

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН В ОЧЕРКАХ А.БУКЕЙХАНОВА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Literary Canon in Bukeikhanov's Russian Essays

Серик Шешенбайұлы Тахан
takhan_serik@mail.ru

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)

Takhan Serik Sheshenbay-uly
takhan_serik@mail.ru

L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 30.07.2017

Fecha de evaluación: 17.12.2017

Cuadernos de Rusística Española n° 13 (2017), 141 - 155

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается проявление литературного канона в социально-политическом дискурсе очерков А. Букейханова на русском языке. Подчеркивается приверженность автора очерков литературным заветам М. Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, А.П. Чехова в выражении симпатий к человеку труда на земле и сатирическом осмеянии властей предрержащих. Обширный историко-литературный комментарий событий, связанных с имперской политикой переселения русских крестьян на казахские земли, восходит у Букейханова к традициям русской прозы второй половины XIX века отображать тенденции действительности через типизацию особенно характерных социально-политических явлений, свидетельствующих о кризисе самодержавия. Описываются речевые приемы и риторические фигуры, доказывающие приверженность А. Букейханова к определенному литературному канону.

Ключевые слова: литературный канон, дискурс, сказка-аллегория, троп.

SUMMARY

The article explores the ways a literary canon manifests itself in A. Bukeikhanov's socio-political discourse in his Russian essays. It emphasizes Bukeikhanov's principled adherence to the literary behests of M. Saltykov-Shchedrin, G. Uspensky, A. Chekhov in expressing sympathy for the laboring man on soil and the satirical mockery of the powers that be. Bukeikhanov's extensive historical and literary commentary on events related to the imperial policy of resettling landless Russian peasants to Kazakh lands, harks back to the traditions of Russian prose in the second half of the 19th century that reflected the reality by typifying socio-political phenomena testifying to the general crisis of the autocracy. The article describes speech techniques and rhetorical figures in evidence of A. Bukeikhanov's adherence to a particular literary canon.

Keywords: literary canon, discourse, allegoric fairy-tale, trope.

В публицистическом наследии лидера национально-освободительного движения казахского народа первых двух десятилетий XX века Алихана Букейханова заметное место занимает тема переселения безземельных крестьян из России, Украины и Балтии в Казахстан на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков [НУРГАЛИЕВ 1995: 129-134; ЗАБИХ 2007: 22-50; АККУЛЫ 2013: 73-84; АККУЛЫ 2016;

ИЛЬЯСОВА 2016: 95-99]. К примеру, определяя основное содержание всех научных и публицистических материалов А.Букейханова на русском и казахском языках, посвященных теме разрушения основ традиционного хозяйствования казахов под влиянием переселенческой политики колониальных властей, исследователь Н.Шаяхметов заключает: «На основе твердых фактов А.Букейханов постоянно обращал внимание царского правительства на отсутствие каких-либо научных основ политики ускорения темпов переселения и неизбежность ощущения ее экологических последствий уже в недалеком времени» (Перевод наш. С.Т.) [ШАЯХМЕТОВ 2011: 128].

Вопросы переселенческой политики русского царизма в аспекте ее пагубных социальных последствий для казахского народа особенно остро и разносторонне были поставлены А. Букейхановым в 1908-1910-х годах в Санкт-Петербургском журнале «Сибирские вопросы». Речь идет о материалах, включавших в себя следующие очерки на русском языке: «Переселенцы в Тарских урманах», «Долой с дороги: идет овцевод!», «Отчуждение казахских орошаемых пашен», «Бюрократическая утопия», «Соляная монополия в Западной Сибири», «Казахи на совещании Степного генерал-губернатора», «Переселенческие надель в Акмолинской области», «Русские поселения в глубине Степного края», «Ненужное генерал-губернаторство», «Будущая пустыня», «Ничьи деньги» [БӨКЕЙХАН ӘЛИХАН 2016: 82-204], «Кризис канцелярского переселения» [ӘЛИХАН БӨКЕЙХАН 1995: 273-274].

По поводу причин появления этих материалов на страницах русской прессы ведущий исследователь политической, научно-исследовательской и публицистической деятельности А.Букейханова Султан Хан Аккулы в своей капитальной двухтомной научной монографии, во многом обобщающей результаты предшествовавших академических исследований на казахском и русском языках по всему спектру проблем, связанных с определением вклада лидера национально-освободительного движения казахского народа в политологию, социологию и экономическую науку, оценкой масштаба его влияния на социокультурное возрождение Казахстана в начале XX века, пишет следующее: «Алихан Букейхан, посчитав поражение первой русской революции 1905-1907 годов поражением не на войне, а лишь в одной битве, пусть даже и в важной, продолжил свою борьбу в Самаре (в ссылке – С.Т.) и прежде всего против «земельной реформы» Столыпина, выражавшейся в усилении переселенческой колонизации Казахстана. Его главным оружием, как и прежде, были перо и идея, трибуной – страницы периодической печати столицы самой метрополии, а средствами – острое перо публициста, пытливый ум ученого, любовь и преданность своему народу, доброе сердце высококультурного человека» [АККУЛЫ 2016 Т.ІІ: 6]. Автор монографии указывает на «генерирование идей» в очерках [АККУЛЫ 2016 Т.ІІ: 14], но, к сожалению, не находит нужным анализировать содержательное наполнение текстов очерков, нет речи и о их жанровой характеристике.

Журнал «Сибирские вопросы» А.Букейхановым был выбран не случайно. Журнал (в первые два года – сборник) издавался в 1905-1913 годах в Петербурге и представлял собой рупор группы политических и общественных деятелей России, комплексно поднимавших политические, экономические и социально-культурные вопросы жизни Сибири как уникального региона, достойного автономного статуса внутри российской империи [ХРАМЦОВ 2010]. Редакционная политика журнала

основывалась на идеологии признания необходимости на переживаемом историческом этапе обширной колонизации региона в интересах аграрного развития. Вместе с тем во многих публикациях журнала красной нитью проходила мысль о неприемлемости пренебрежения к этнической специфике коренного населения, порождающего естественное сопротивление аборигенных народов административным усилиям упорядочить процесс переселения. А.Букейханов не был согласен с силовой линией дискурса журнала продолжать умеренными темпами политику переселения, он стоял на позиции приостановления такой жестокой формы колонизации, но тем не менее считал возможным участие в данном издании для изложения своих взглядов на вопрос.

Поддерживая лучшие традиции русского очерка говорить о сложных социальных явлениях доходчиво и ясно, А. Букейханов стремится усилить коммуникативные функции публицистической речи сопряжением «памяти жанра» [БАХТИН 1972: 178-179, 205], обязывающей к образности повествования, его насыщенности ассоциациями и четкой социальной определенности выводов, с научной точностью и глубиной анализа фактического материала.

В очерках Букейханова блестяще решается сложная задача – изложить сухой материал геоботанического, социологического, этнографического и политического содержания языком, порождающим образы, ассоциации, предельно активизирующие воображение, вовлекая читателя в сопереживание исторически значимых для казахского народа событий. В результате долговременной преступной переселенческой политики царизма по разложению фундаментальных основ жизни казахов последние оказались в тяжелом социальном положении, и автор, в целях предотвращения дальнейших последствий расширения территорий под переселенцев, избирает литературный русский язык как форму эффективной трансляции политических требований и духовных запросов своего народа.

Появление очерков Букейханова в «Сибирских вопросах» приходится на известный в истории России период демократизации всех сфер культурной и социальной жизни, когда под напором событий первой русской революции в обществе возникла непродолжительная атмосфера свободного интеллектуального развития, проявившегося в неисчислимом разнообразии политических и духовных исканий. Ведущей тенденцией в культурной жизни стало усиление статуса художественной литературы. Появление многочисленных газет и журналов неоспоримо свидетельствовало об усилении роли прессы в формировании общественного мнения. Известные писатели стали успешно совмещать литературное творчество с журналистикой, и растущий престиж этой профессии привлек к себе внимание большого количества молодых талантов художественного слова, желавших попробовать свои силы на новом поприще, которое традиционно продолжало ассоциироваться с литературным служением.

Укорененная в девятнадцатом веке русская культурная традиция продолжала предписывать представление о том, что в публичном дискурсе особенно убедительно звучит художественно оформленная речь. Степень достоверности и значимости излагаемых на страницах прессы идеологических концепций в большой степени зависели от литературных способностей авторов облекать свои мысли в художественные образы, находить афористические речевые формулировки, расширяющие и углубляющие идею публикации.

Букейханов, бесспорно обладая писательским даром, не преминул воспользоваться в своих очерках возможностью опереться на такой социологический фактор русской культуры, как высокое статусное значение художественного слова, поэтому максимально насытил их языковую структуру литературной образностью.

В литературно-публицистических текстах начала XX века заметно следование разным стандартам литературной деятельности в русском культурном пространстве. Букейханов в своих очерках опирается на эстетический канон, сформированный во второй половине XIX века усилиями революционно-демократического крыла русской литературы в лице Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Н.А.Некрасова, отчасти Г.И.Успенского и А.П.Чехова. Этот канон характеризовался концентрацией авторского внимания на таких ценностно-мотивационных аспектах творческого процесса, как симпатия к человеку труда на земле, сатирическое осмеяние властей предрежащих и призыв к сочувствию к простому человеку.

Существовавшая в пространстве культуры того периода имперская апологетика предпринимала попытки дезавуировать этот эстетический канон, противопоставляя ему пантеон классиков литературы, из сочинений которых извлекалась только идея державности и величия России. К примеру, в школьных программах сложные идейные искания Пушкина и Гоголя были выпрямлены настолько, что содержание их сочинений стало сводиться к скудному символическому капиталу, поддерживающему слабеющие устои русского самодержавия. Властные усилия использовать русскую литературную классику дворянского периода в интересах сохранения имперской организации общества вступили в противоречие и с творческой практикой представителей модернистской и социалистической литературных направлений, обретавших свои эстетические каноны. Следование канонам в литературной деятельности стало в значительной степени маркером приверженности авторов к определенным силовым линиям идейно-политической борьбы в обществе. Канон предопределял доминантные характеристики стиля произведения в плане обязательного обозначения авторской приверженности к определенной социально-исторической общности, интерпретировался как принцип создания известного множества произведений [ЛОСЕВ 1973:15].

Эстетические основания признания канона связаны с легко вычленимой совокупностью содержательных и формальных элементов, характерных «множеству произведений», созданных в схожих или общих традициях и отнесенных к определенному времени. «К числу содержательных моментов относятся и сюжет, и отдельные мотивы, и та идеологическая основа, которая просматривается в системе используемых художественных образов» [ПОРХОМОВСКИЙ, СЕМЕНЮК 2006: 12].

Каноническим наследием демократической литературы реалистической направленности начала XX века являются художественные приемы типизации неприглядных сторон социальной действительности России, особенно основательно разработанные в произведениях писателей революционно-демократического лагеря. Художники слова этого крыла русской литературы второй половины XIX века в своих творениях отличались преимущественной ориентированностью на выражение всего спектра чаяний многомиллионного российского народа, читательский интерес поддерживался пафосом морального осуждения социального зла в обществе, всегда внятно звучал призыв к сочувствию к трудной жизни человека простого звания.

Букейханов в своих очерках проявляет принципиальную приверженность этим литературным заветам. Точность и логическая последовательность в изложении материала, являясь фактурной основой очерковых текстов, дополняются живой полемикой вокруг событий, освещаемых автором, с привлечением большого историко-литературного комментария, что способствует типизации определенных социально-политических явлений, живо волнующих всю передовую общественность России. Нравственная оценка позиции приверженцев ускоренной реализации преступной колониальной политики переселения безземельных крестьян России, Украины и Балтии в Казахстан дается очеркистом посредством встраивания в дискурс очерков прямых цитат из речей политиков и высокопоставленных чиновников. Лексико-фразеологическое наполнение приводимых высказываний адептов колонизации Степного края не оставляет сомнения в предельной циничности и жестокости вынашиваемых государственной машиной намерений оставить без средств к существованию целый народ.

Весь корпус очерков Букейханова прежде всего следует рассматривать как единый социально-политический дискурс, увязывающий земельный вопрос в Казахстане с порочной практикой бездарного и безответственного царского администрирования, он не может обойтись без сухой и объективной статистики, свидетельствующей как о деградации социальных форм жизни казахского народа в результате наплыва переселенцев на его земли, так и об объективном ухудшении жизни самих переселенцев из года в год в силу непреодолимости геоклиматических рисков при существующем типе хозяйствования на земле [АМАНЖОЛОВА 2013: 39-110]. Но очевидна и литературная составляющая этого дискурса, вытекающая из стремления Букейханова использовать средства речевой риторики для возбуждения деятельного интереса свободной от имперскости русскоязычной аудитории к справедливому решению земельного спора.

Автор очерков сводит монологичность до допустимого в жанре очерка минимума, всячески стремится оживлять подачу материала моделированием прямого диалога с оппонентами на уровне макроструктуры текстов. В очерках возникают текстовые локусы, меняющие языковой план, вводящие оригинальную сюжетику в общее изложение или усиливающие элемент нарративности. Букейханов особенно заботится о контекстуальном расширении смыслов прагматического дискурса за счет литературных аллюзий, исторических и литературных реминисценций, образного переосмысления прямых и косвенных политически злободневных цитат, пейзажных зарисовок, живописных пересказов забавных случаев из быта казахов. В полной мере грани литературного мастерства Букейханова-очеркиста проявляются в «больших» очерках, таких как «Русские поселения в глубине Степного края» и «Переселенческие наделы в Акмолинской области», но в большей или меньшей степени свойственны стилю всех его очерков на русском языке.

В очерках Букейханова заметно следование художественному методу Г.И.Успенского, глубоко и оригинально исследовавшего в своей книге «Власть земли» [УСПЕНСКИЙ 1956: 99-202] крестьянскую проблематику в свете необратимых изменений в социальной структуре русского общества после земельной реформы 1861 года.

Этнография и фольклорная поэтика являются незаменимыми компонентами размышлений Г.И.Успенского о «власти земли» над русским крестьянином, предопределяющими основной камертон его очеркового письма, сводящийся к осознанию чувства земли как национальной метафизической константы. Букейханов не разделяет утопических надежд автора «Власти земли» на благополучный исход внутреннего разлада в крестьянском мире при условии восстановления извечных основ народной жизни, но сам принцип опоры на фольклорно-этнографический материал при социологическом исследовании общественных взглядов на земельный вопрос представляется ему верным. В поисках истоков силы русского крестьянина в противостоянии жестоким испытаниям периода вторжения капиталистических отношений в многовековой патриархальный порядок жизни Успенский в очерке «Власть земли» обращается к мотивам былины о Микуле Селяниновиче и Святогор-богатыре. Неисчерпаемость душевных сил деревенского люда, по Успенскому, заключается в извечной «тяге» натуральной земли, в которой сконцентрирована вся сущность жизни русского народа [УСПЕНСКИЙ 1956: 116-117]. Вслед за Успенским Букейханов в очерке «Русские поселения в глубине Степного края» прибегает к форме оригинальной авторской сказки – развернутого метафорического олицетворения, чтобы выпукло подать основную мысль, объединяющую весь публицистический материал.

А.Букейханов в этом очерке размышляет о причинах неуклонного снижения урожайности из года в год на землях, отведенных переселенцам, и подводит к выводу об изначальной ущербности идеи непомерного расширения аграрного сектора в зоне резко-континентального климата и бедных солями почв, каковой является Степной край.

Капризы погоды, когда в конце весны могут ударить заморозки, а летом от долгой засухи пересохнут все речки и водоемы, когда пышное разнотравье в поймах рек весной, как бы свидетельствующее о стабильном плодородии тамошних земель, скоро никнет и блекнет от нехватки воды, когда все проросшее в начале лета до осени может иссушиться под знойным солнцем, за исключением курая и кокпека, – традиционного подножного корма казахского скота, – неизбежно превращает сельскохозяйственный труд жителей новообразовавшихся крестьянских хуторов в высокий и неоправданный риск. Совершенно непредсказуемые климатические и иные метаморфозы, характерные Степному краю, персонифицируются автором в двуедином образе старухи-девушки из сказки: «У порога отверстия, откуда тонкою лентой крутится синий дым подземелья, сидит женщина; она безобразна, как баба-яга, может быть, это она сама, нелюдима и зла, как ядовитая змея, жертва любви людской, и была лицемерка-змея. Впрочем, кто ее знает, кто она?» – интригуя слушателей, вставляет ертекшы (сказочник).

То было вечерней порой, – добавлял он же, приступая к продолжению сказки. – Звезды мигали последним слабым светом, еще были видны полярная звезда и зарница; утреннюю зарю озарился восток; девственные лучи солнца, как в эту пору джигит, целуют облака, лижут вершины гор...

Ни отверстия, ни дыма не было: на этом месте стояла акорда (белая ханская юрта) и у порога его – ханша дивной красоты. – Вставив, что не ему, старому, описывать ее, продолжал ертекшы, ханша была стройна и гибка, как молодая ветка

лозы, глаза у нее черны, как спелая смородина, черные, как чернила брови, были подобны крыльям ласточки, зубы – что жемчуг и белы как снег. Поцелуй ханши, жгуч, как яд змеи, сладок, как девственная любовь.

Ночью была буря: шел источник жизни – дождь; дул ветер любви, он снес, сровнял все скверны ада змеи; остановился у той женщины джигит: испив от избытка его силы, она обратилась в ханшу: «Все на свете обманчиво, – поучает сказка, – никто никогда не узнает в этой царице любви ни бесплодную старуху, ни ядовитую змею» [БӨКЕЙХАН ӘЛИХАН 2016: 149].

Эта поэтическая вставка имеет в очерке большое эстетическое значение, в ней – композиционная завершенность, повышенная суггестивность образов, достигаемая смонтированным изображением. Сказка несет этнографическую информацию, моделируя древние мифологические представления казахов, пантеистические воззрения, обусловленные суровым природным ареалом, представления народа о красоте и об уродстве в людях и их отношениях. Будучи абсолютно авторским произведением, сказка идеально ретранслирует примечательные особенности поэтики казахского фольклора (дихотомия мотивов, обрамление как прием изложения содержания, обилие перифраз и нагнетание тропов в описаниях персонажей и ситуаций).

Первый функциональный уровень сказки в очерке заключается в том, что Букейханов переводит языковую структуру, характерную для казахского фольклора как продукта многовекового культурного процесса, на другой, русский языковой код в целях максимально возможной репрезентации национальной картины мира казахов. Замысел Букейханова опереться на фольклорную поэтику в публицистическом тексте объясняется не только целью напомнить русскоязычному читателю о существовании инонациональной точки зрения на «великорусскую» стратегию земельной колонизации окраин, но глубже выразить свою убежденность в пагубности одностороннего взгляда на практику переселения крестьян-земледельцев на земли скотоводов. В особенностях развертывания сюжета сказки Букейханова можно видеть и отсвет художественной манеры «Сказок» М.Е.Салтыкова-Щедрина [САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН 1974], отталкивание от которой дает в очерке Букейханова эффект стереоскопичности видения сложной социальной проблемы. В повествовательной структуре «Сказок» великого русского сатирика наблюдается множественность точек зрения, невозможность смысловой центростремительности упраздняет саму идею иерархии, размытость топологических контуров описываемых событий позволяет расширять их интерпретацию до масштабов соотнесения с природными явлениями, не поддающимися умозрительному упорядочению. Автор «Сказок» как бы соглашается с принципиальной невозможностью дать однозначную оценку поступкам персонажей, право судить, почему описываемые в сказках метаморфозы имеют отношение к социальной действительности, остается за читателем. Но авторская интенция в повествовании не позволяет сбиться читателю с заданного нравственно-этического и социального вектора отношения.

В композиции очерка Букейханова сказке о старухе-девушке отводится роль лейтмотива прагматического дискурса, в котором описание реальных ситуаций крушения надежд переселенцев на урожай в Степном крае звучит в унисон с навеянным сказкой настроением эфемерности сменяющихся в ней картин природы, в которых все смазано, все призрачно и обманчиво. Так, процитировав письменное

свидетельство чиновника о разочаровании переселенцев села Раздольное Атбасарского уезда выбранными ими покосами, которые весной вызвали у них восторг разнотравьем, а осенью представляли собой выжженные солонцы, Букейханов заключает: «... капризная Киргизская степь ханшу подменила бабой-ягой» [ӘЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 149].

В другом случае автор после экскурсии в историю географического изучения долины реки Чар, связанной с именами русских ученых, однозначно рекомендовавших по результатам своих впечатлений развивать земледелие в описанном ими крае, выносит свой вердикт: «Сиверс¹ и Вернер², плененные красотой ханши, были бесконечно далеки от безобразной и бесплодной бабы-яги, скрывавшейся под красивою маскою своего антипода-ханши. Переселенцам, прожившим на р. Чаре подольше Сиверса и Вернера, пришлось испытать всю капризную изменчивость Киргизской степи и поближе познакомиться с бесплодной старухой. [ӘЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016:152]. Осевшие на «пойме» реки Чара крестьяне позже обнаружили, что облюбованная прибрежная земля больше не заливается весной, к середине лета превращаясь в голую дресвяную степь; – Погода после посева может «приподнести» мороз, от которого замерзает вода в родниках. В засушливое лето гибнут урожаи чувствительных к засухе культур. Автор очерка констатирует: «Таковы нелюбезные разоблачения, сделанные переселенческим хозяйством пленительнице и обманщице долине р.Чар...» [ӘЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 154].

Букейханов «оживляет» фактический материал очерка, метафорически олицетворяя природу и климат Центрального Казахстана в образе старухи-девушки, что позволяет ему активизировать архетипичные мотивы в сознании читателя. В разных частях текста очерка возникает резонанс фабульных элементов сказки, призванный экспонировать психологическую динамику социальной биографии большой группы людей – переселенцев, объединенных общей трудной судьбой.

В дискурсе очерков Букейханова сатирическое наследие М.Е.Салтыкова-Щедрина является важным источником литературных приемов для достижения нужных художественных эффектов. Сатира Салтыкова-Щедрина служит Букейханову примером разрушения стереотипов и догм, мешающих общественному прогрессу, в большом количестве аналитических ходов его мысли прозрачно отсвечивают щедринские обличительные формулы, относящиеся к характеру администрирования в Российской империи, духовно-нравственной выхолощенности отношения властной элиты к своему народу. Особенно остро востребованность в сатире щедринского масштаба стала ощущаться в русской литературе начала XX века, что было связано с очевидным глубоким системным кризисом политической власти, которая за внешними формами

1. Сиверс Иоанн - член Императорской Академии Наук в Санкт-Петербурге; много путешествовал по Сибири и составил описание посещенной им страны в ""Briefe aus Sibirien an seine Lehrer den konigl. Grosbritannischen Hofapotheker Herrn Brande, den konigl. Grosbritannischen Botaniker Herrn Ehrhart und den Bergcommissarius und Rathsapotheker Hern Westrumb"" (Санкт-Петербург, 1796). Умер в 1795 году.
2. Вернер Константин Антонович (1850-1902). Профессор Московского сельскохозяйственного института. В 1891-1892 г.г. служил чиновником особых поручений при Степном генерал-губернаторе, автор исследований по Степному краю.

традиционной деспотии скрывала полную внутреннюю деградацию руководящей элиты. Букейханов в очерках развивает тезис М.Е.Салтыкова-Щедрина об убывании легитимности русской власти, особенно выделяет мысль великого сатирика о ложности самой идеи сакральности самодержавия, с опорой на художественную логику сказок, очерков и романов писателя разоблачает моральное убожество людей – своих современников, составляющих властную группу.

В контексте критики властного дискурса М.Е.Салтыковым-Щедриным можно рассмотреть очерк «Ненужное генерал-губернаторство» Букейханова, посвященный анализу причин слухов об упразднении генерал-губернаторства Степного края, распространившихся в кулуарах Государственной Думы в 1908 году. Букейханов многочисленными фактами убедительно подтверждает ничем не оправданную финансовую обременительность для государственной казны существования этой административной структуры, которая только мешает упорядочению отношений между переселенцами и коренными жителями края. В очерке остро ставится вопрос о социально-политической опасности сосредоточения в царской России неограниченной власти в руках генерал-губернаторов, что в частых случаях плохого знания ими истинного положения дел во вверенных им территориях оборачивается произволом чиновников и узакониванием бесправия простых людей, особенно из среды нерусского населения. В очерке перечисляются «заслуги» некоторых генерал-губернаторов Степного края. Реальные истории пребывания царских наместников у кормила абсолютной власти в казахской степи напоминают читателям о бесчинствах градоначальников в «Истории одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина [САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН 1969]. По сути, рассказ Букейханова о безответственном или преступном поведении губернаторов в Степном крае предстает сжатым, но очень убедительным, конспектом метафорического содержания «Истории одного города». Одного из генерал-губернаторов казахское население благодарило за ничегонеделание, любовно прозвав: «как туйе», т. е. «белый верблюд». Верблюд у казахов, замечает Букейханов, является «...воплощением мира и покорности: «если привязать сто верблюдов к хвосту бродячей собаки, то она их поведет в Ташкент», т. е. на край света, говорят киргизы» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 193]. Здесь просматривается аллюзия к образу градоначальника – майора Прыща из «Истории одного города», отказавшегося от отправления своих властных полномочий и тем самым обеспечившего глуповцам недолгий «Золотой век». «Не мешал населению заниматься своим делом – достоинство, ценнейшее на должности степного генерал-губернатора», – иронически заключает Букейханов о губернаторе – «как туйе» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 193].

Другой генерал-губернатор Степного края предстает реализованной цитатой из образной характеристики городничего Глупова Василиска Бородавкина, умеющего только испугать «до полусмерти», а затем «снять испуг» с подвластного. Об этом губернаторе Букейханов замечает, что он «грозил в конце 1905 года карательным отрядом мирнейшей Киргизской степи, не знающей умышленного убийства» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 193].

В характеристиках генерал-губернаторов И.П.Надарова и Е.О.Шмидта зловеще угадываются черты «властного идиота» и «административного василиска» Угрюм-Бурчеева. Деятельность Надарова лаконично сводится к одной формулировке – «все

население трепещет от животного страха перед властью», о Е.О.Шмидте красноречиво констатируется, что он додумался включить покойника в список сотен высланных в Сибирь казахов [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 194].

В очерке «Бюрократическая утопия», написанном в защиту казахов Чангыстайской волости на Алтае, властным росчерком пера И.П.Надарова обреченным к высылке в пределы безводной Голодной степи, где они были бы не в состоянии приспособить свой уклад жизни к природному ареалу, Букейхановым дается убийственная оценка возникшей социально-политической ситуации: «как живое продолжение истории города Глупова» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 107]. Оценка социального значения государственной службы военного сановника Надарова в очерке «Ненужное генерал-губернаторство» лаконично сводится Букейхановым в обобщающий вывод: «Неограниченная власть степного генерал-губернатора, чистого, как ангел, от знания края, опасна, как огонь, которым играет ребенок» [БӨКЕЙХАН ЭЛИХАН 2016: 193]. Ирония, как вид тропа, которым Букейханов владеет в совершенстве, благодаря учебе у классиков русской реалистической литературы, прежде всего у Салтыкова-Щедрина, здесь переходит в сарказм. В нем автор прямо обращает внимание государства на угрозу его гибели, если будет продолжать практику бюрократического администрирования в колониальных окраинах без учета их национальных, экономических и социально-культурных особенностей.

В иронии как средстве художественной изобразительности Букейханова привлекает возможность двойной актуализации фразы, но часто у него характерный этому тропу двойной смысл снимается, акцент переносится на открытую негативную оценку в тексте, лексико-семантические контрасты сводят на нет видимую солидарность с содержанием высказываемого, возводя риторику до уровня прямого обличения опасного общественного явления. Так в очерке «Русские поселения в глубине Степного края», доказав неизбежность обесценивания земель казахов, насильно отчужденных от рек, озер и колодцев в процессе передачи переселенцам лучших земель, Букейханов саркастически предупреждает: «Киргизский скот, при всем своем консерватизме и идентичности своего святая святых с «истинно-русскими» взглядами на разрешение аграрной проблемы, вряд ли пойдет так далеко, что откажется пить воду...» [БӨКЕЙХАН ЭЛИХАН 2016: 182]. Еще более язвительен автор в другой фразе из этого очерка: «Кочевые пути через реку Нуру в такой же степени выдумка злой и порочной воли киргиз, в какой их скотоводческое хозяйство...» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 183]. Также саркастична реплика в очерке «Ничьи деньги»: «Было бы странно, если бы киргизы не помогли переселенцам, для которых отобрали отцовские земли» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 203]. Не уступает по хлесткости этой реплике и предложение из очерка «Кризис канцелярского переселения»: «...не по себе кус» взяла канцелярия» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 1995: 273], сформулированное в связи с доказанной несоизмеримостью потраченных переселенческим управлением миллионов казенных денег с плачевными результатами перемещения громадного количества безземельных крестьян из России в Казахстан, ставших заложниками бюрократических проволочек и вынужденных возвращаться обратно.

В очерках Букейханова часто встречается ироническое описательное выражение «млечные реки в кисельных берегах», которым заменяются представления апологетов

царской аграрной политики о безбедном существовании переселенцев в Казахстане. Иронический оборот обозначает социально опасные иллюзии, вынашиваемые сторонниками экстенсивной сельскохозяйственной колонизации новых земель, о лучезарных жизненных перспективах новых волн русских крестьян, вытесненных на периферию империи.

Устойчивым структурным свойством канона русской литературы второй половины XIX-го – начала XX века, ориентированного на удовлетворение духовных и культурных запросов широких демократических кругов, было сатирическое наполнение разножанровых художественных текстов. Критическая позиция большого количества авторов литературных произведений по отношению к существующему общественному строю порождает пафос отрицания многих обветшалых форм жизни, тормозящих социальный прогресс, воплощается в обновляющихся художественных жанрах с неизменным отрицательным взглядом на государственную идеологию.

В любом произведении демократической направленности мастерство реализации художественного замысла может быть неповторимо, однако проявление творческой индивидуальности будет опосредованно столбовой традицией русской литературы глубоко проникать в душу человека и одновременно давать образное представление обо всей полифонии народной жизни. Сопричастность субъектов творчества этого литературного содружества к признанному им канону в конечном счете выражается в общности принципов отбора речевых средств выразительности, схожести повествовательных стилей. Объединяющий внутри канона принцип скрытости выражения своего негативного отношения к объекту критики накладывает свой отпечаток на особенности использования тропов и фигур речи.

Букейханов виртуозно использует творческий опыт стереоскопического изображения жизни, характерный для произведений многих русских писателей второй половины XIX-го века, сочетая его с точным использованием риторических средств в целях сатирического освещения на первый взгляд рутинных явлений русской действительности.

Здесь уместно привести в пример отрывок из очерка «Русские поселения в глубине Степного края», где Букейханов одновременно и точно передает атмосферу пессимизма, царящую в среде переселенцев, эйфорию, охватившую колониальную администрацию от «легкого» решения вопроса обустройства большой массы пришлых крестьян на новых землях, тревожную озабоченность демократически настроенной части общества политическими последствиями порочного социального эксперимента: «Зимой в 1892 году заболели цингою переселенцы поселка Таволжанского. Приезжал в поселок казенный врач и велел больным, голодным и нищим крестьянам есть лук и пить кумыс. «Киргиз запоит кумысом, только пей», – говорил почтенный доктор в футляре... Тогда неурожай был превращен в недород. Если современных коновалов аграрного вопроса в России, сулящих голодному крестьянству млечные реки в кисельных берегах Киргизского края, почтенный доктор не привлекает за плагиат, то это объясняется его верою, что цингу можно вылечить чужим кумысом, который появляется-то с начала мая, как и аграрный вопрос разрешить подачками киргизских солонцов. «Киргиз даст вам Беловодье, только идите к нему и уходите от нас», – говорят крестьянам паши и евнухи помещичьего землевладения и убирают их. Надолго ли?» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 171-172].

Убедительность текста достигается тем, что энергичное повествование от третьего лица, насыщенное аллюзиями, усложняется чужой прямой речью, создающей пересечение точек зрения. Возникает плотное пространство мысли, которая к тому же обретает многомерность. Здесь три речевые позиции: авторская объективно трагедийная, фарсово-лицемерная среднего русского интеллигента – прислужника царской администрации, и высокомерно-отчужденная позиция апологетов идеи вытеснения безземельных русских крестьян в Казахстан. Композиция текста позволяет равно высвечивать малые и крупные масштабы мышления отрицательных персонажей, объединяя в единую и долгосрочную политическую тенденцию безразличие к плачевному социальному положению переселенцев и бездушно-потребительское отношение к коренному населению Степного края рядовых русских специалистов-интеллигентов и колониальных чиновников разных уровней.

Колоритная аллюзия «доктор в футляре» отсылает нас к А.П.Чехову, который в рассказе «Человек в футляре» [ЧЕХОВ 1962] художественно обобщил в образе учителя Беликова целый пласт русской социальной жизни, характеризующийся усилением охранительной психологии в русской интеллигентской среде, особенно после краха народничества. Отказ определенной части русской интеллигенции от прежних идеалов обернулась для нее демонстративным верноподданничеством, нередко с черносотенским оттенком. Авторский окказионализм «казенный врач» в контрасте с последовавшим эпитетом «почтенный доктор» для чиновничества подчеркивает абсолютную закономерность совпадения социально и политически безликого мнения интеллигента относительно практически обязанности казахов поить обнищавших на новых землях переселенцев кумысом, с уверенностью идеологов русской земельной аристократии от государства в том, что казах по определению призван обеспечить пришлых на их земли русских крестьян «Беловодьем».

Ярко выраженной формой присутствия индивидуальности автора, моделирующего свой мир этических ценностей через насыщение текста поэтической семантикой, предстает в очерках Букейханова такая стилевая фигура, как антитеза. Несовместимость позиций автора и защитников классовых интересов крупных русских помещиков по отношению к одним и тем же проявлениям административной практики экспроприации насиженных коренными жителями земель, к узаконенному опыту манипулирования низкими показателями продуктивности расширяющихся территорий под русские поселения, на уровне стиля выражена в содержательно-значимой контрастности образной мысли.

Так, авторская оценка деятелей, фарисейски обосновывающих целесообразность опоры в аграрной колонизации Степного края на опыт освоения новых земель в Северной Америке при абсолютном неведении относительно гидрографии отводимых переселенцам пространств, облекается в форму антитезы: «Как бы вы не кичились культурой с чужого плеча и собственным варварством, вы не увеличите ни единой слезой недостаток влаги в Киргизском крае...» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 145].

Антитеза в своих различных стилистических ипостасях замечательно представлена и в очерке «Переселенческие наделы в Акмолинской области», продолжившем тему переселения в преломлении к растущим социальным проблемам местного населения Степного края. Скупой, но живописный намек на

психологический облик сановников и их чиновных приспешников, одержимых маниакальной идеей превращения степей Казахстана в сплошные сады, можно усмотреть в иронической реплике-антитезе: «...и пустыню обратят в цветник» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 136]. А вот в заключительной части этого очерка, в подтверждение тезиса о неизбежности перехода разорившихся русских переселенцев к скотоводству в условиях казахской степи, снова появляется антитеза, указывающая на единственную спасительную для них перспективу: «если не отряхнут ног своих от этой заманчивой простором, но скудной по содержанию степи» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 141]. В этом же очерке особенно обращает на себя внимание развернутая метафора, способствующая объемному представлению пестрой картины регулярных перемещений крестьян-переселенцев с выпаванных и выдохшихся земель на новые наделы: «Мы наблюдаем здесь своего рода уникум, свойственный только Киргизской степи, где земля изнашивается, как одежда, и где ее починяют и сменяют, как последнюю. Хорошо, что пока есть киргизские земли и хорошие портные...» [ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН 2016: 137].

А.Букейханов в своих очерках на русском языке блестяще реализует большие возможности газетно-журнальной публицистики действенно влиять на аудиторию в целях актуализации общественных проблем и конфликтов, требующих безотлагательного решения или долгосрочного управления ими. Публицист определенно достиг своей цели, так как ясное изложение своей позиции неизменно подкреплял языковой организацией текста, способной затронуть глубинные струны души адресата, возбудив в нем сознательное или безотчетное желание откликнуться. В этой авторской прагматической установке опора на литературный контекст в части актуального эстетического канона, сформированного в произведениях русских писателей обличительного содержания, дает эффект мощной воздействующей силы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АККУЛЫ СУЛТАН-ХАН. (2013): *Журналист и публицист*. Мысль. №7.
- АККУЛЫ СУЛТАН-ХАН. (2016) *Алихан Букейхан. Творец истории*. Том I; *Алихан Букейхан. Завещание*. Том II. Издательство «Азиат». Шымкент.
- АЛИХАН БУКЕЙХАН. (1995): *Избранное*. Қазақ энциклопедиясы. Алматы.
- ЭЛИХАН БӨКЕЙХАН (2016). *Шығармалары – Сочинения*: В 15 томах. Т 6. – Астана; «Сарыарқа» баспасы. – Қазақша, орысша/на русском и казахском.
- АМАНЖОЛОВА Д.А. (2013): *Алаш: исторический смысл демократического выбора*. Издательский Дом «Таймас». Алматы.
- БАХТИН М.М. (1972): *Проблемы поэтики Достоевского*. Художественная литература. Москва.
- ЗАБИХ Ш. (2007): *Публицистика Алихана Букейханова*. Изд-во КазНУ. Алматы.
- ИЛЬЯСОВА К.М. (2016): *Әлихан Бөкейхан және жер мәселелері// Материалы научно-практической конференции «Әлихан Бөкейхан және тәуелсіздік мұраты», посвященной 150-летию со дня рождения А.Букейханова и 25-летию независимости Республики Казахстан*. Издательство Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева. Астана.

- ЛОСЕВ А.Ф. (1973): *О понятии художественного канона // Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки*. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
- НУРГАЛИЕВ Р. *Творческое наследие Алихана Букейханова*. Простор. №4-5.
- ПОРХОМОВСКИЙ В.Я, СЕМЕНЮК Н.Н. (2006): *Предисловие. // Языковая норма и эстетический канон: коллективная монография*. Языки славянских культур. Москва.
- САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН М.Е. (1974): *Собрание сочинений в 20 томах. Т.16, книга первая*. Художественная литература. Москва.
- САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН М.Е. (1969): *Собрание сочинений в 20 томах. Т.8*. Художественная литература. Москва.
- УСПЕНСКИЙ Г.И. (1956): *Собрание сочинений в 9 томах. Т. 5*. ГИХЛ. Москва.
- ХРАМЦОВ А.Б. (2010): *Журнал «Сибирские вопросы» об общественно-политической жизни региона в начале XX века // Вестник Нижневартовского государственного университета. Выпуск 4*. <http://cyberleninka.ru/article/n/zhurnal-sibirskie-voprosy-ob-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-regiona-v-nachale-xx-v>
- ЧЕХОВ А.П. (1962): *Собрание сочинений в 12 томах. Т.8*. М.: ГИХЛ
- ШАЯХМЕТОВ Н.У. (2011): *Әлихан Бөкейхановтың еңбектеріндегі дәстүрлі қазақ шаруашылығының мәселелері // Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 145-летию А.Букейханова*. ТОО «Беркут-Принт». Астана

BIBLIOGRAPHY

- AKKULY SULTAN-HAN. (2013): *Zhurnalist i publitsist. Mysl'*. №7.
- AKKULY SULTAN-HAN. (2016) *Alihan Bukejhan. Tvorec istorii*. Tom I; Alihan Bukejhan. Zaveshchanie. Tom II. Izdatel'stvo «Aziat». Shymkent.
- ALIHAN BUKEJHAN. (1995): *Izbrannoe*. Kazak ehnciklopediyasy. Almaty.
- ALIHAN BOKEJHAN (2016). *Shygarmalary – Sochineniya: V 15 tomakh*. Т 6. – Astana; «Saryarka» baspasy. – Kazaksha, orysshana ruskom i kazahskom.
- AMANZHOLOVA D.A. (2013): *Alash: istoricheskij smysl demokraticeskogo vybora*. Izdatel'skij Dom «Tajmas». Almaty.
- BAKHTIN M.M. (1972): *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Hudozhestvennaya literatura. Moskva.
- CHEKHOV A.P. (1962): *Sobranie sochinenij v 12 tomakh*. Т.8. М.: GIKhL
- IL'YASOVA K.M. (2016): *Alihan Bokejhan zhane zher maseleleri // Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Alihan Bokejhan zhane tauelsizdik muraty», posvyashchennoj 150-letiyu so dnya rozhdeniya A.Bukejhanova i 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan*. Izdatel'stvo Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N.Gumileva. Astana.
- KHRAMTSOV A.B. (2010): *Zhurnal «Sibirskie voprosy» ob obschestvenno-politicheskoy zhizni regiona v nachale HKH veka // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vypusk 4. <http://cyberleninka.ru/article/n/zhurnal-sibirskie-voprosy-ob-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-regiona-v-nachale-xx-v>

- LOSEV A.F. (1973): *O ponyatii hudozhestvennogo kanona //Problemy kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki*. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka». Moskva.
- NURGALIEV R. *Tvorcheskoe nasledie Alihana Bukejhanova*. Prostor. №4-5.
- PORKHOMOVSKIY V.YA, SEMENYUK N.N. (2006): *Predislovie. //Yazykovaya norma i ehsteticheskij kanon: kollektivnaya monografiya*. Yazyki slavyanskih kul'tur. Moskva.
- SALTYKOV-SHCHEDRIN M.E. (1974): *Sobranie sochinenij v 20 tomakh*. T.16, kniga pervaya. Hudozhestvennaya literatura. Moskva.
- SALTYKOV-SHCHEDRIN M.E. (1969): *Sobranie sochinenij v 20 tomakh*. T.8. Hudozhestvennaya literatura. Moskva.
- SHAYAHMETOV N.U. (2011): *Alihan Bokejhanovtyn enbekterindegi dastyrli kazak sharuashylygynyn maseleleri// Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 20-letiyu nezavisimosti Respubiki Kazahstan i 145-letiyu A.Bukejhanova*. TOO «Berkut-Print». Astana
- USPENSKIY G.I. (1956): *Sobranie sochinenij v 9 tomakh*. T. 5. GIKhL. Moskva.
- ZABIKH SH. (2007): *Publitsistika Alihana Bukejhanova*. Izd-vo KazNU. Almaty.